

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ КАК МЫСЛИТЕЛЬ

В статье дан историко-философский и науковедческий анализ достижений великого русского мыслителя, сумевшего за короткий срок не только совершить ряд основополагающих и судьбоносных открытий во всех отраслях естествознания, но и создать оригинальные исторические, языковедческие и философские труды. Ломоносов с полным правом может быть назван мыслителем, совместившим в своем творчестве научный и художественный подход к освоению мира.

Ключевые слова: философия, языкознание, история, поэзия, естествознание, материализм, деизм.

Великий русский ученый и мыслитель Михаил Васильевич Ломоносов – человек удивительно интересной судьбы, которая стала поистине знаковой для дальнейшей истории русской науки. В настоящей статье будет предпринята попытка выявить основные интеллектуальные парадигмы, которые определяют М.В. Ломоносова как мыслителя, совместившего в своем творчестве научный и художественный подходы к освоению мира.

Сын века Просвещения, младше Вольтера на семнадцать лет и старше Руссо на неполный год, Ломоносов по происхождению был государственным холмогорским крестьянином из зажиточной семьи, проживавшей в деревне Мишанинской. Холмогорские крестьяне водили тесные деловые связи с иностранными купцами и мореплавателями, а отец будущего ученого плавал на собственном небольшом судне по Белому морю и Северному Ледовитому океану. Все это не могло не сказаться на формировании широкого кругозора, неутомимой жажды познания и «открытости» мировоззрения Михаила Ломоносова.

Впрочем, среди поморов держится устойчивое сказание о том, что настоящим отцом Михаила Васильевича был Петр Первый, очень озабоченный отсутствием прямого наследника по мужской линии (ибо царь в 1711 году собственными руками, как утверждают многие историки, придушил царевича Алексея Петровича – сына от Евдокии Лопухиной – за приверженность московской старине). Вторая жена Петра Екатерина (Марта Скавронская) рожала лишь дочерей, и царь постоянно обещал, что сделает любую красавицу, которая родит ему сына, царицей. Этим не преминули воспользоваться богатые архангельские старообрядцы,

тесно общавшиеся с царем. Они познакомили любвеобильного монарха с холмогорской красавицей Еленой, которая была сиротой и бесприданницей. Это было во время пребывания царя в Усть-Тосно с 17 января по 15 февраля 1711 года.

Как бы то ни было, вскоре Елена по личному указу Петра была повенчана с племянником двинского земского старосты Луки Ломоносова, сиротой Василием Дорофеевым. Будущий ученый родился 8 ноября 1711 года. Царь повелел сыну и его нареченному отцу носить фамилию Ломоносов. И действительно, с рождением Михаила в семью от казны стала поступать постоянная денежная помощь. Получило семейство и земельные угодья. На смертном одре Петр поручил заботу о незаконнорожденном сыне главе Синода Феофану Прокоповичу, который и выполнял царский завет вплоть до самой своей кончины.

Правда это или занятая историческая легенда – для оценки фигуры великого мыслителя не имеет особого значения. Впрочем, петербургский высший свет был об этой легенде, видимо, осведомлен, потому что весьма спокойно относился к тому, что Ломоносов безнаказанно колотил палкой своих коллег-академиков. Согласно распространенной легенде, Ломоносов даже не боялся драть за уши наследника престола Павла Петровича, сына Екатерины II.

Как не без иронии пишет В.О. Ключевский, особенно доставалось приглашенным в Россию немцам, но чаще всего по заслугам – так, один немецкий мудрец ничтоже сумняшеся вывел происхождение русского слова «дело» от немецкого «Dieb» – вор. Поэтому Михаил Васильевич – в полном соответствии со своей фамилией – иногда даже ломал своим иноземным оп-

понентам носы. Ключевский резюмирует: «Его доводы не столько *убедительны*, сколько *жестокости*» [3;191]. В другом месте великий историк пишет о Ломоносове: «Нападки Ломоносова были не просто личного свойства: они вытекали из его патриотических взглядов. Сами немцы признавали огромные таланты и ум Ломоносова, но они говорили, что с ним жить нельзя по его самолюбию» [3;195].

Действительно, Михаил Васильевич имел нрав гордый и независимый и недаром 19 января 1761 года написал графу И.И. Шувалову такие слова: «Не только у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но даже у самого Господа Бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет» [1;10;546]. Здесь Ломоносов намекал на историю с известным поэтом Василием Тредьяковским (1703-1769), которому поручили написать оду в честь знаменитой свадьбы шутов в Ледяном доме при Анне Иоанновне. Тредьяковский сначала отказался, был за это изрядно бит монаршими прислужниками и, в конце концов, вынужден был самолично читать вирши на жуткой свадьбе в присутствии августейших господ-самодуров. Эти слова Ломоносова очень любил впоследствии повторять Пушкин.

С другой стороны, Ломоносов демонстрировал часто высокую степень научной этики по отношению к ученым, к которым он относился с пиететом и уважением. Например, в случае с Христианом Вольфом – своим учителем и последователем Лейбница. Ломоносов пишет Эйлеру: «Хотя я твердо уверен, что это мистическое учение должно быть до основания уничтожено моими доказательствами, но я боюсь опечалить старость мужу, благодетеля которого ко мне я не могу забыть, иначе я не побоялся бы раздражить по всей Германии шершней-монистов». И не следует забывать об убеждении Ломоносова в том, что «почетнее признать правильные чужие положения, чем поддерживать свои ложные» [1;2;185-186].

Всю жизнь Ломоносов был обуреваем одной всепоглощающей страстью – к обретению нового знания, которое может быть полезным для России. 30 января 1761 года он пишет Г.Н. Теплову: «Я спрашивал и испытывал свою совесть. Она мне ни в чем не зазрит сказать вам ныне всю истинную правду. Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия

и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению всех наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже. {...} Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолodu, на старость не покину» [1;10;548,554].

Как известно, Ломоносов учился в нескольких прославленных учебных заведениях: Славяно-греко-латинской академии в Москве, Духовной академии в Киеве, университете при академии наук в Петербурге. С 1736 по 1741 гг. он получал систематическое научное образование в Германии. У Христиана Вольфа (1679-1754) он три года обучался философии. Именно Вольф ввел в немецкий философский лексикон придуманные им термины-понятия для обозначения вещей и предметов самих по себе – «an sich» (перевод латинского *in se*). Книга Вольфа «Логика, или Разумные мысли о силах человеческого рассудка» вышла, когда Ломоносову был всего лишь год жизни.

По возвращении в 1741 году в Россию Ломоносов начал заниматься научными исследованиями в Петербургской академии наук. В 1742 году он стал адъюнктом академии, а с 1745 – профессором и академиком. Отметим, что Ломоносов – первый в России русский по происхождению академик. В 1755 году Ломоносов при поддержке ревнителя просвещения и влиятельного при дворе вельможи графа И.И. Шувалова основал Московский университет.

Ломоносов прожил до обидного мало, но сделанное им в совершенно разных областях науки не только удивляло современников, но и поражает историков до сих пор. Ломоносов был первопроходцем во многих областях естествознания и техники. В качестве химика им были открыты фундаментальные законы сохранения вещества при химических превращениях. Ломоносов развил атомистические идеи, распространив их на круг химических явлений, и заложил основы химической атомистики. В химию он ввел способ количественного анализа в качестве систематического приема исследования. Михаил Васильевич по праву считается основоположником физической химии.

Как астроном Ломоносов высказал гениальную догадку о наличии атмосферы у планеты Венера. В работе «О слоях земных» (1763) Ломоносов выдвинул гипотезу об эволюции растительного и животного мира, указывая на необходимость изучения причин изменения природы.

В СССР было издано Полное собрание сочинений Михаила Васильевича. Наиболее яркими произведениями, составляющими его научное наследие, по прошествии лет представляются «Из заметок по физике и корпускулярной философии», «О тяжести тел и извечности первичного движения», «Предисловие к лекциям по физической химии», «Рассуждения о твердости и жидкости тел», «127 заметок к теории света и электричества», «Из Волфианской экспериментальной физики», «Краткий Российский летописец», «Древняя Российская история», «Краткое описание разных путешествий по северным морям», «О сохранении и размножении российского народа». Последняя работа заслуживает, на наш взгляд, особого внимания в нашу страшную эпоху глобализации, когда именно против русского народа и его культуры улыбочивыми толерантными и политкорректными западными «демократами» и их местными прислужниками ведется настоящая война на уничтожение.

В этой работе, написанной в форме письма Ивану Ивановичу Шувалову, Ломоносов предлагает целую программу мер по улучшению жизни русского народа:

«Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О исправлении нравов и о большем народе просвещении.
3. О истреблении праздности.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могуще-

ство и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [1;6;384].

Современным реформаторам, вспоминающим о необходимости «сохранения и размножения российского народа» лишь перед выборами, нужно было бы лишь положить в основу своей деятельности вышеприведенные тезисы Ломоносова – и благодарность современников и потомков была бы им обеспечена. Но корабль современной российской государственности плывет без философских руля и ветрил, а также без обществоведческих карт. И если подобное бездумное пренебрежение общегуманитарной и философской культурой будет сохраняться у современных российских властей и впредь, то Россия окончательно сядет на мель. Тем более, что без знания прошлого страны невозможно построить для нее никакого светлого будущего. Это часто подчеркивал М.В. Ломоносов, который по Высочайшему повелению занялся написанием труда по русской истории. А саму мысль императрице Елизавете Петровне поручить написание «Русской истории» именно Ломоносову, первому уму и самому блестящему перу в России, подал И.И. Шувалов.

В.О. Ключевский пишет: «Ломоносов собрал важнейших писателей, древних и средневековых, у которых находились известия о России, и все это тщательно прочитал. В отчетах Шувалову он говорил о том, *что* прочитал и сколько выписок сделал. Пожилой ученый, очевидно, с трудом одолевал громадный и непривычный материал. Среди этих усиленных работ Ломоносов с горечью должен был покидать свои занятия в химической лаборатории, которые притом он считал очень полезными для России» [3;195].

Первый том труда по истории России был закончен лишь в 1763 году, а вышел в 1766. В этом томе Ломоносов успел подготовить свод известий о России иноземных писателей и довел само повествование до смерти князя Ярослава Мудрого. Главное в этом труде Ломоносова, что делает его до сих пор ценным для читателей, – патриотизм ученого. Ломоносов высказал блестящие догадки, которые впоследствии были приняты исторической наукой. Это и идея о смешанном составе славянских племен, и мысль о том, что история народа начинается раньше, чем становится общеизвестным его имя, и догадка о тождестве волохов, напавших на

дунайских славян, с римлянами. Ключевский пишет о Ломоносове: «Он хотел восполнить пробел в русской истории, он хотел сделаться русским Ливием, который открыл бы миру древность и славу русского народа» [3;195]. И далее: «В исторических взглядах Ломоносова отразилось влияние господствующей идеи царствования Елизаветы: Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками – такова была господствующая мысль того времени. В этом взгляде сказалось сознание народной силы» [3;196].

Гении российского естествознания постоянно подчеркивали непреходящее значение философии. Ломоносов – не исключение. «Законы опыта нужно восполнять философским познанием», – часто утверждал Ломоносов, который хорошо изучил не только историю античной философии, но и сочинения Рене Декарта и Готфрида Лейбница. «Славный и первый из новых философов Картезий, – пишет Ломоносов, – осмелился Аристотелю философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу. Мы, кроме других его заслуг, особливо благодарны за то, что он ободрил ученых людей против Аристотеля, против себя самого и прочих философов в правде спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению» [1;1;423].

Ломоносов тоже подверг сомнению безграничный авторитет Аристотеля, который как естествоиспытатель утверждал вещи, казавшиеся странными в XVIII столетии. Даже Гёте, творивший позже Ломоносова, безоговорочно верил в то, что черви зарождаются прямо из грязи – ведь это утверждал Аристотель. Впоследствии такое предположение стало чисто интеллектуально немислимым. Тем более, смешным показалось Ломоносову утверждение о том, что у любого льва непременно случится разрыв сердца, если к нему в клетку запустить петуха. Поэтому Ломоносов напишет о гении античности следующее: «Я не презираю Аристотеля, сего славного и в свое время отменитого от других философа, но тем не без сожаления удивляюсь, которые про смертного человека думали, будто он в своих мнениях не имел никакого погрешения, что было главным препятствием к приращению философии и прочих наук, от ней много зависящих. Чрез сие отнято было благородное рвение, чтобы в науках упражняющиеся

один перед другим старались о новых и полезных изобретениях» [1;1;423].

В советской литературе часто называли Ломоносова атеистом-материалистом. При желании у Ломоносова можно найти сугубо материалистические мысли. Но занятия естествознанием еще не лишают ученого веры в Творца. Здесь Ломоносов следовал за Исааком Ньютоном, который при слове «Бог», как известно, всегда снимал шляпу. Михаил Васильевич писал: «Несказанная премудрость дел Божиих хотя бы из размышления о всех тварях явствует, к чему предводительствует физическое учение, но величества и могущества его понятие больше всех подает астрономия, показывая порядок течения светил небесных. Воображаем себе тем явственнее создателя, чем точнее сходятся наблюдения с нашими предсказаниями; и чем больше постигаем новых откровений, тем громче его прославляем» [1;4;372].

С другой стороны, Ломоносов следовал народной мудрости, согласно которой на Бога надеяться следует, но и самому надо стараться не оплошать. Он писал: «Напрасно многие думают, что все, как видим, с начала творцом создано, будто горы, доли и воды, но и разные роды минералов произошли вместе со всем светом и потому-де не надобно исследовать причин, для чего они внутренними свойствами и положением мест разнятся. Таковые рассуждения весьма вредны приращению всех наук, следовательно, и натуральному знанию шара земного, а особливо искусству рудного дела, хотя оным умникам и легко быть философами, выучась наизусть три слова: «Бог так сотворил» – и сие дая в ответ вместо всех причин» [1;1;352-353].

Мы привыкли к утверждению, что Ломоносов был первым русским ученым-энциклопедистом. Он, действительно, был первым. Многие вещи, о которых он писал, кажутся нам теперь очевидными и банальными. Очевидными и банальными они были порой и для Ломоносова, ибо в своих научных трудах он выступал не только как ученый, обращающийся к равной ему по интеллекту аудитории, но как педагог и наставник. Большинство трудов Ломоносова носит характер пропедевтики. Вот, например, что он говорил в труде «О красноречии»: «Идеи суть простые или сложенные. Простые состоят из одного представления, сложенные из двух или многих, между собой соединенных и совершен-

ный разум имеющих. Ночь, представленная в уме, есть простая идея. Но когда себе представишь, что ночью люди после трудов покоятся, тогда будет уже сложенная идея, для того что соединятся пять идей, то есть о дни, о ночи, о людях, о трудах и о покое» [1;7;100].

Если попытаться классифицировать взгляды мыслителя, то Ломоносова можно определить как философа естествознания. Его путь в философию был дорогой мудреца-естествоиспытателя, по которому позже последуют Гёте и Вернадский, Дарвин и Эйнштейн. Из философов Нового времени Ломоносов высоко ценил и хорошо знал Декарта, Локка, Кларка и Лейбница. Ломоносов, хотя и прошел школу лейбнизианца Вольфа, не принял монадологию и считал физические атомы краугольными и исходными элементами мироздания.

«Истинный химик должен быть теоретиком и практиком, следовательно, должен быть также и философом» [1;1;68-69], – отмечал Ломоносов. Установленный им закон сохранения вещества и движения имеет кардинальное значение не только для конкретных наук, но и для всего научного мировоззрения в целом.

Вопросы мироздания Ломоносов излагал помимо научных сочинений также в наполненных философскими раздумьями стихах, стремясь сделать достижения естествознания достоянием читающей публики. Им была написана первая научная грамматика русского языка, в которой он сформулировал даже правила стихосложения.

В русской философии работы Ломоносова явственно обозначили новое направление. Как атомист, механицист, гелиоцентрист, эволюционист, особенно как геолог, мыслитель считал, что движение присуще материи. Будучи верующим человеком, Ломоносов был сторонником деизма, не отрицая идею первоотлчка, давшего жизнь неорганической материи.

Если рассматривать философскую компоненту мировоззрения мыслителя, Ломоносов был деистом, отодвигавшим акт сотворения далеко в глубь времен. Он отказывался видеть какие-либо воздействия Бога на природу в ее нынешнем состоянии. Это открывало широкие возможности для исследовательского поиска, не давая в то же время формальных поводов для обвинений в безбожии. Если уж стремиться к доктринальным определениям, то тогда Ломо-

носов – деист материалистического толка. В работе «О тяжести тел и об извечности первичного движения» он утверждал, что первичное движение никогда не может иметь начала, но должно длиться извечно.

Для обоснования научной деятельности Ломоносов, как методолог, использовал также теории предметного разграничения науки и религии и двойственной истины. Он доказывал, что у науки свой объект изучения, она имеет собственное содержание, отличное от религиозного. В противоположность господствовавшей геоцентрической системе мира мыслитель отстаивал, развивал и пропагандировал гелиоцентрическую систему и учение о множестве населенных миров. В противоречии с представлениями о том, что сотворенный мир существует в неизменном виде, Ломоносов показал, что Земля, ее поверхность и обитатели претерпели существенные изменения. Его эволюционные идеи, опирающиеся на материалы истории, свидетельства географов древности, данные палеонтологии и т. п., были изложены в работе «О слоях земных». Картина мира, сохранявшая в его время статичность, он сумел придать известный динамизм, а свои труды старался писать красивым и приятным языком.

Когда Ломоносов умер 1 (15) апреля 1765 года, то после его похорон Ле-Клерк на собрании Петербургской академии наук сказал прекрасные слова: «Не стало человека, имя которого составит эпоху в летописях человеческого разума, обширного и блестящего гения, обнищавшего и озарявшего вдруг многие отрасли... Общество пользовалось его знаниями, ваши летописи воспользуются его славою; его будут чтить всюду, где будут люди просвещенные» [1;1;XXXII].

Итак, мы рассмотрели те магистральные парадигмы, которые определяют интеллектуальное своеобразие М.В. Ломоносова как мыслителя, сумевшего объединить в своем творчестве научный и художественный подходы к освоению мира, продемонстрировав невиданный до него синтез познавательных практик.

А.С. Пушкин 12 августа 1825 года напишет о «великом сподвижнике великого Петра» такие строки: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души,

исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник...» [2;722]. Пушкин в статье «Ломоносов», хотя и говорит о «вредном» влиянии Ломоносова на российскую словесность вследствие «высокопарности» и «изысканности» его слога, оценивает его как

мыслителя так: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» [2;766].

21.10.2011

Список литературы:

1. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений. – Т. 1-10. – М.-Л., 1950-1957.
2. Пушкин, А.С. Золотой том: Собрание сочинений / Редакция, биографические очерки и примечания Б. Томашевского. Издание исправленное и дополненное. – М.: Издательский дом «Имидж», 1993.
3. Ключевский, В.О. Собрание сочинений в 9 томах. – Том VII. Специальные курсы. – М., 1989.

Сведения об авторе:

Горохов Павел Александрович, заведующий кафедрой социальной философии
Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор
460018, Оренбург, пр-т Победы, 13, (3532) 372583, e-mail: socf@mail.osu.ru